

УДК 141.7

Тарасова Лариса Петровна

аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин,

Северо-Кавказский социальный институт

tarasova_lp@mail.ru

Larisa P. Tarasova

graduate student of department of social and humanitarian disciplines.

North Caucasian social institute

tarasova_lp@mail.ru

**Методологические основания комплексного социологического
исследования социокультурного транзитива**

**Methodological Foundations of a Comprehensive Case Study
of Socio-Cultural Transitive**

***Аннотация.** В статье формулируются принципиально важные подходы и принципы разработки методологической стратегии применительно к проблематике социокультурного транзитива. При этом автор опирается как на классические социологические работы, так и на труды современных авторов. Подчеркивается важность разработки обозначенной проблемы с позиций междисциплинарности с привлечением всего эвристического инструментария, которым располагает современное социально-гуманитарное знание.*

***Ключевые слова:** методологическая стратегия, социокультурный транзитив, динамический анализ, социальный актор, коммуникативное действие, междисциплинарный подход.*

***Annotation.** The article points out the critical principles and approaches to develop a methodological strategy with regard to socio-cultural transitive. The author relies on the classical sociological works and the works of contemporary writers. The author stresses the importance of the development of this problem from the standpoint of interdisciplinarity involving all the heuristic tools of modern social-humanitarian knowledge.*

***Keywords:** the methodological strategy, socio-cultural transitive, dynamic analysis, social actors, communicative action, interdisciplinary approach.*

Фундаментальные изменения социокультурной среды, а также продолжающаяся, в режиме ускорения, ее дальнейшая трансформация, крайне остро ставят вопрос об обнаружении новых теоретических оснований исследования феномена транзитива в современной культуре. Обнаруживается острая потребность не только в обновленном понятийно-концептуальном аппарате, но и в нестандартных методологических подходах.

В фундамент предполагаемой методологической стратегии должны быть заложены два базовых принципа: принцип трансформационности и принцип проблемности. Иными словами, необходимо обратить первостепенное внимание на те социологические концептуализации, которые, при описании современности, артикулируют ее динамический характер и связанные с этой динамикой проблемы, в том числе и проблемы социальной адаптации к изменениям социокультурного пространства. Решение поставленной задачи мы видим в перспективе социологической редукции, при которой из всего массива теоретических социальных конструктов постулирующих динамическую природу современного социума, будут взяты только те моменты, которые указывают на предельную интенсификацию соответствующих процессов и их неподконтрольность социальным акторам.

На сегодняшний день мы уже располагаем некоторыми наработками в этой области, позволяющими нам включить их в разрабатываемую нами методологическую стратегию. В частности, к числу последних может быть отнесен так называемый «динамический анализ», предложенный Т. Парсонсом.

Так, по Парсонсу, частную социальную проблему следует соотносить с системой в ее целостности, а если это эмпирически невозможно, то исследователю следует использовать метод редукции. Для нас концептуально важно, что Парсонс ясно осознает трудности познавательного процесса в отношении социальной действительности, атрибутом которой является постоянное ускорение. Преодоление этих трудностей он усматривает в условной *ad hoc* репрезентации динамических моментов в качестве статистических. «Логически это становится возможным, - пишет Т. Парсонс, - посредством рассмотрения некоторых обобщающих категорий не в качестве переменных, а в качестве констант» [3, с. 387].

Впрочем, если принцип трансформационности каким-то образом и присутствует в теоретико-методологическом поле современной социологической науки, анализирующей общественные реалии, то принцип проблемности, применительно к исследованию феномена культурного интенсифика, находится здесь в чуть ли не в «зачаточном состоянии». Очевидно, что интерпретации транзитива в качестве некой общественной дисфункции, должно предшествовать его конституирование как научной проблемы, демонстрирующей эксплицитные вызовы социуму. Иными словами, социокультурный транзитив нуждается в своеобразной «легитимации» со стороны научного сообщества, в том, чтобы последнее увидело в нем предмет достойный внимания.

Таким образом, в разрабатываемую нами методологическую стратегию следует включить и те работы, которые не только констатируют наличие проблемы, но и предлагают механизмы ее решения, пути и способы ее популяризации, ее актуализацию в сознании общества. Речь, в данном случае идет об анализе научного творчества авторов, вводящих исследуемую нами проблему в публичное поле, осуществляющих «деятельность по

мобилизации», поскольку «социальные условия этой мобилизации и ее успеха составляют другой аспект социологического анализа социальных проблем» [2, с. 112].

Очевидно, что построение искомой методологической стратегии должно опираться и на критическое переосмысление уже имеющихся наработок в области социокультурной транзитивистики. Далеко не все то, что высказано даже признанными специалистами в области переходных состояний общества, находит свое отражение в современной социокультурной реальности и может быть включено концептуальную структуру настоящего исследования. Сказанное, в первую очередь, касается работ, опирающихся на эволюционистское видение трансформирующегося ландшафта культуры. В частности, в эпилоге «Грядущего индустриального общества» Д. Белл подчеркивает континуальный характер социальных изменений, заявляя о том, что «социальные системы изживают себя медленно» [1, с. 495]. Данный тезис указанный автор аргументирует ссылкой на устойчивость экономической модели капитализма, сохранившего свои генетические черты с момента его генезиса до наших дней. На наш взгляд, было бы правильнее говорить о нескольких, сменяющих друг друга и радикально отличающихся моделях экономических отношений в новоевропейской истории. Более того, экономика дня сегодняшнего имеет мало общего даже с экономикой совсем недалекого прошлого, уверенно перемещаясь от «the real economy» в виртуальное, символическое и цифровое пространство.

Мы не случайно говорим о необходимости критической переоценки транзитивистской мысли, а не о тотальном отрицании даже тех авторов, с которыми у нас намечаются концептуальные разногласия. В трудах того же Д. Белла мы обнаруживаем весьма продуктивные идеи. И если с последним трудно согласиться в его понимании принципа трансформационности, то белловская интерпретация принципа проблемности возражений не вызывает. Одним из проблемных последствий социокультурного интенсификации становится то, что Белл определяет как «издержки взаимодействия», лежащие в коммуникативной плоскости горизонтальной мобильности. Расширение степеней свободы и спектра способов коммуникации непосредственно ведет к возникновению все новых и новых вызовов, начиная от угрозы серьезнейших психических стрессов и заканчивая рисками экологического порядка. «Издержки свободы и мобильности, - пишет Д. Белл, - в конце концов, становятся очень высокими и должны регулироваться, в противном случае подобный образ жизни становится саморазрушительным» [1, с. 637].

Для включения в разрабатываемую нами методологическую стратегию идей теории «постиндустриального общества» принципиально важно то, что Белл настаивает на необходимости организованной реакции социума на радикализацию социокультурных изменений. Тем самым он призывает его членов к осознанию как явных, так и потенциальных угроз, связанных с ускорением социокультурной динамики.

Одним из элементов «организованной реакции» может стать система дескриптивно-аналитических процедур, направленных на исследование уже имеющихся, связанных с социокультурным транзитивом, проблем, а также на изучение вероятностных перспектив развития соответствующего проблемного поля. Данную составляющую «организованной реакции» Д. Белл раскрывает посредством понятия планирования, справедливо полагая, что «сложное общество, подобно составляющим его комплексным организациям, неизбежно становится планирующим обществом» [1, с. 637]. Он устанавливает прямую взаимосвязь между ускорением общественной динамики и необходимостью ее направления с помощью системы научно обоснованных регулятивов.

Кроме того, для методологии нашего исследования принципиальное значение имеет выведенный Д. Беллом закон постиндустриального общества, согласно которому продуктом рациональных действий индивида «в отсутствие координации, становятся иррациональные коллективные решения» [1, с. 638].

Наряду с транзитивистски окрашенной рефлексией функционализма и постиндустриализма, весьма продуктивной в методологическом плане может оказаться концепция «плоского мира», авторство которой принадлежит Т. Фридману. Одноименная работа указанного исследователя содержит в себе констатацию нового состояния планетарного социума, радикально изменившего свои базовые социокультурные характеристики и принципы функционирования. Произошедшие в последние годы изменения, по Фридману, потребовали от социального актора нового стиля мышления, равно как и участия в нестандартных социальных практиках.

Ситуация «плоского мира» предполагает, в первую очередь, выравнивание возможностей всех действующих в нем субъектов. Ни успешный исторический опыт, ни достижения прошлого или высокие социально-экономические показатели настоящего, не могут выступать залогом успеха в будущем. Напротив, они лишь способствуют самоуспокоению, лишают общество воли к участию в цивилизационной гонке. Таким образом, происходит расширение круга претендентов на лидерство в будущем за счет того, что каждая страна получает равные стартовые возможности, причем, согласно Фридману, их больше у тех сообществ, которые оказались лишенными позитивного ретроспективного «бэкграунда» и в большей степени ориентированы на перспективу, чем на собственное прошлое.

Т. Фридман предлагает новую шкалу оценки общества, включающую в себя не только эмпирические показатели, но и его метальные характеристики, важнейшим из которых будет антиципативная интенциональность. «Аналитики, - замечает Фридман, - обычно оценивают состояние общества по классическим показателям экономической и социологической статистики: например по пропорции дефицита бюджета к ВВП, уровню безработицы, грамотности взрослого женского населения. Безусловно, такая статистика важна и показательна. Но есть и другой

статистический показатель, гораздо хуже поддающийся измерению, но, на мой взгляд, гораздо более важный и показательный. Это соотношение мечтаний и воспоминаний – чего больше в вашей стране, того или другого?» [4, с. 571]. При этом Фридман делает уточнение, что мечты должны иметь позитивную и конструктивную направленность.

Согласно воззрениям Т. Фридмана, общественная рефлексия представляет собой особую разновидность деятельности, которая, как и любая деятельность, требует приложения усилий. Эти усилия могут быть как продуктивными, так и контрпродуктивными. Ментальная энергия может быть растрчена без всякой пользы, если она направлена на конструирование утопически-идеального образа прошлого, либо обеспечить мощный стимул общественного развития, в случае, если люди начнут с ее помощью «рисовать в воображении лучшее будущее и руководствоваться им в своих действиях» [4, с. 572].

Разумеется, при составлении методологической программы настоящего исследования нельзя обойти вниманием и теорию модерна в той ее версии, разработкой которой занимался Ю. Хабермас. Принцип новизны в парадигме модерна предстает как морально-нравственный и деятельностный императив. Он не может быть заменен никаким другим принципом, а его возможная критика есть продукт тех или иных концептуальных заблуждений. Об этом Хабермас прямо говорит в своей работе «Модерн – незавершенный проект». Констатируя рост скептических настроений в отношении идеи модерна на Западе, он видит здесь «разочарование, оставшееся после краха программ ложного упразднения искусства и философии», а также «ставшие зримыми апории культурного модерна как предлог для перехода на консервативные позиции» [5, с. 29].

Одновременно Ю. Хабермас настаивает на перестройке глубинных структур исторического сознания общества, которое должно быть перенастроенным с прошлого на будущее. Что касается непосредственно темы статьи, то для нее принципиальное значение имеет такое положение хабермасовой теории как тезис о перманентном ускорении социокультурной динамики как атрибуте общественного развития в эпоху модерна.

Принципиально важно, что в условиях нарастания событийной и ситуативной неопределенности Хабермас предлагает осуществить перенос ответственности за настоящее и будущее конкретного индивида с государственных и общественных институтов непосредственно на самого социального актора. Институциональной рациональности, которую правильнее было бы назвать «институциональным фидеизмом», то есть верой в некую «сверхмудрость» надличностных структур, Ю. Хабермас противопоставляет так называемую «коммуникативную рациональность», опирающуюся на фундамент «жизненного мира» и повседневном переживании трансформирующихся социокультурных реалий.

В социальной антропологии Ю. Хабермаса современный человек с необходимостью приобретает два важнейших атрибута, одним из которых выступает его эмансипированность от внешних предписаний, а другим –

самоосуществление, подразумевающее наличие внутреннего ресурса для достижения личностного и социального успеха. Обретение указанных атрибутов позволяет социальному актору, вовлеченному в ускоряющиеся транзитивные процессы, освободиться от тотального диктата социума в целом и имманентных ему структур и самореализовываться в рамках малых референтных групп, возникающих на микроуровне.

Нет никаких сомнений в том, что продуктивная и всесторонняя разработка заявленной проблемы возможна только при опоре на принцип междисциплинарности. Ограничиваясь исключительно данными эмпирических исследований, отражающих прямые последствия ускорения социокультурной динамики, мы не сможем увидеть тех коренных изменений, которые затрагивают глубинные структуры коллективного сознания, влияют на способы массовой рефлексии и проявляются в долгосрочных жизненных стратегиях. Без привлечения к исследованию работ социальных философов, культурологов, специалистов в области социальной психологии, а также в иных сферах социально-гуманитарного знания, будет весьма сложно понять сущностное содержание современных переходных процессов, их механизмы и долгосрочные последствия.

Междисциплинарный подход призван дополнить эмпирическую модель социокультурного транзитива ее нормативным аналогом, помочь выработать систему рекомендаций, связанных с оптимизацией социальных практик в переходный период. Он должен обеспечить эффективные рефлексивные навыки и надежные деятельностные ориентиры для максимально широкого круга социальных акторов, предложить универсальные правила поведения в условиях неопределенности.

Актуальность принципа междисциплинарности обусловлена еще и тем, что на сегодняшний день ни одна из наук не может иметь монополии на истину или располагать эксклюзивным эвристическим инструментарием. Все те ответы, которые получает общество на свои вопросы в рамках одной отдельно взятой области социального познания, высвечивают лишь единичные аспекты той или иной проблемы. Если они и оказываются достоверными, то эта достоверность имеет ситуативный характер и привязана к конкретному временному отрезку. Очевидно, что релевантное познание неизбежно оказывается фундированным множественностью когнитивных подходов.

Вместе с тем, применение междисциплинарного подхода требует и известной осторожности. Язык социологи, ее понятийно-концептуальный аппарат имеет свою специфику и отличается, даже на синонимическом уровне, от дискурсивных практик других отраслей социально-гуманитарного знания. Отсюда крайне важно установить максимальное взаимопонимание между всеми участниками когнитивного процесса, сформировать приемлемый для них общий тезаурус, что позволит достичь предельно широкий профессиональный консенсус в понимании проблематики социокультурного транзитива.

Литература:

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – С. 956.
2. Ленуар Р., Мерлье Д., Пэнто Л., Шампань П. Начала практической социологии. – М.: Алетейя, 2001. – С. 410.
3. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2002. – С. 880.
4. Фридман Т. Плоский мир: краткая история 21 века. – М.: АСТ, 2006. – С. 601.
5. Хаберма Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии. - № 4. – 1992. –С. 7-31.

Literature:

1. Bell D. *The Coming of Post-Industrial society. Experience of social forecasting.* – М.: Academia, 1999. S. 956.
2. Lenoir R., Merle D., Pento L., Champagne P. *The Beginning of the practical sociology.* – Moscow: Aletheia, 2001. – P. 410.
3. Parsons T. *About the Structure of Social Action.* – М.: Academic project, 2002. – S. 880.
4. Friedman T. *The world is Flat: a Brief History of the 21st Century.* – М.: АСТ, 2006. – S. 601.
5. Habermas U. *Modern – An Unfinished Project // Philosophy Questions.* - No. 4. – 1992. –S. 7-31.